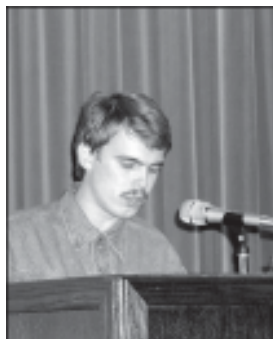

А. В. Кузьмин (Москва)

РОЛЬ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Изучение истории происхождения и формирования властной элиты древней Руси IX—XIV в. в настоящее время остается одной из самых актуальных проблем в науке¹. Трудности поджидают нас уже на первых шагах исследования, поскольку охватываемый круг источников за указанный период весьма незначителен и сохранился фрагментарно. Как верно подметил А.А. Зимин, «без генеалогических сведений нельзя понять ни истории феодального землевладения, ни складывания господствующего класса и централизации аппарата власти, ни, наконец, сложных перипетий политической борьбы того времени»².

Самая логика исследования подсказывает, что изучение какой-либо группы лиц, объединенных общностью происхождения, стоит по возможности начинать с выяснения времени жизни реальных предков последних и реконструкции их биографии. Как правило, это совпадает с появлением данного лица (или семьи) на княжении или службе у того или иного князя, боярина. При этом большое внимание следует уделять рассмотрению в совокупности всех династических связей объекта исследования по обеим линиям (как в пределах, так и за пределами региона его проживания и деятельности), выявлению их места и роли в истории своего княжества-государства, времени переезда на княжение или службу от одного сюзерена к другому. Следует также установить, каким образом шел процесс формирования устойчивой родовой «памяти» в семье, ветви рода, династии (их сходства и различия), как она отразилась в дошедших до сего времени источниках. Кроме того, важно учесть все виды служебной, частной и религиозной формы деятельности исследуемого объекта.

Реальное выполнение указанных выше процедур возможно лишь в том случае, если ученый будет точно следовать методике, позволяющей ему анализировать объект исследования с точки зрения данной дисциплины. Нужно отметить, что именно точные результаты генеалогических изысканий должны использоваться при решении более широких исторических задач, а не наоборот. Иначе можно встать на путь изучения «ложной исторической проблемы», допустить ряд неверных тождеств, которые вряд ли помогут выявить ход развития исследуемого исторического явления³. Ярким примером тому служат последние работы о происхождении и реконструкции биографии легендарного князя Рюрика.

Как хорошо известно, в ряде работ 1950-1960-х г. известный польский историк Хенрик Ловмянский аргументированно доказал, что нельзя отождествлять известного по походам викингов на Франкское королевство Рерика Фрисландского (или Ютландского) и упоминаемого в древнерусских летописях легендарного Рюрика⁴. Между тем, в последнее время в трудах отечественных исследователей (например, Г. С. Лебедева, А. Н. Кирпичникова, И. В. Дубова, Д. А. и А. Д. Мачинских, М. Б. Свердлова, Е. В. Пчелова и др.) данная гипотеза, выдвинутая еще в первой трети XIX в. Ф. Крузе, получила новое развитие⁵. Связано это прежде всего с тем,

¹ Свердлов М. Б. Генеалогия в изучении класса феодалов на Руси XI—XIII веков // Вспомогательные исторические дисциплины (далее – ВИД). Т. XI. Л., 1979. С. 222—223.

² Зимин А. А. Кольчевы и русское боярство XIV—XVI веков // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 56.

³ Vailyn V. Context in History. Melbourne, 1995. P. 16.

⁴ Ловмянский Х. Рюрик Фрисландский и Рюрик «Новгородский» // Скандинавский сборник. Т. VII. Таллин, 1963. С. 221—249.

⁵ Подробнее библиографию работ по данной теме см.: Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. С. 116. Прим. 326; Кузьмин А. В., Николаев Б. А. Рюриковичи // Русская генеалогия / М. Е. Бычкова (науч. рук.), Н. Ф. Демидова, С. В. Думин и др. М., 1999. С. 126—127.

что на северо-западе страны археологи с каждым годом находят все новые следы пребывания скандинавов на Руси. Поэтому у исследователей появляется заманчивая идея обобщить данные материальной культуры с письменными источниками. Поскольку ПВЛ и НПЛ достаточно мало, а главное «глухо» описывают пребывание скандинавов на Руси, то логичным и вполне понятным решением стало обращение к древнеисландским сагам. Последние, как известно, содержат значительный пласт как мифологических, так и достоверных известий, сообщающих о пребывании на Руси скандинавов. При этом, как и первоначальный текст ПВЛ, все древнейшие тексты саг не содержат точных дат событий. Они определяются либо при обращении к иностранным источникам, либо на основании времени жизни героев повествования. Таким образом, датировка событий прошлого в данных источниках оказывается не точной, а приблизительной, требующей для обоснования дополнительных аргументов. Однако это не помешало упомянутым ранее исследователям перейти от общих обобщений к частным.

Одним из таких частных вопросов стало выяснение достоверности существования, времени жизни и тождества Рюрика ПВЛ и Рерика Фрисландского. Сторонники данной версии исходят из четырех базовых аргументов:

- «1) тождество их имен в древнескандинавской и славянизированной форме,
- 2) единый этнокультурный и политический контекст Северной Европы от Англии до Ладоги,
- 3) находки фризской керамики IX в. в Бирке (политический и экономический центр Средней Швеции) и Ладоге,
- 4) постоянные связи Ладоги со Скандинавией с середины VIII в. и сложившаяся в IX в. система торговых путей, одними из центров которой являлись Бирка и Ладога»⁶.

Как видно, из приведенного выше примера, ни один из приведенных аргументов, за исключением первого (необходимого, но все же недостаточного), строго говоря, доказательством идентичности двух конунгов не является. Вместо источниковедения генеалогических данных на проверку всплывают лишь некоторые общие факты истории, которые были целенаправленно подогнаны под субъективное представление о событиях IX в. Такой подход в изучении прошлого следует считать спекулятивным⁷. Поэтому серьезно рассуждать о тождестве Рерика Фрисландского (Ютландского) и Рюрика Новгородского с позиций такой дисциплины, как генеалогия, не приходится⁸.

* * *

Важная роль генеалогии, как известно, проявляется не только при проверке объективности решения локальных задач, но и в изучении «конкретных проблем исторического исследования»⁹. Она не ограничивается только узкими и весьма прикладными задачами. Междисциплинарность генеалогических процедур — характерная черта современной историографической ситуации¹⁰. Это связано с тем, что именно в поле зрения генеалoga, как правило, оказываются данные таких вспомогательных дисциплин как дипломатика, нумизматика, сфрагистика, антропонимика и др. В

⁶ Свердлов М. Б. Становление феодализма в славянских странах. С. 116. Прим. 326.

⁷ Русакова О. Ф. Философия и методология истории в XX веке. Екатеринбург, 2000. С. 18.

⁸ Важно подчеркнуть, что никто из сторонников тождества конунга Рерика и князя Рюрика не может убедительно объяснить полное молчание о них в древнейших скандинавских источниках в связи с событиями на Руси. Саги приводят генеалогию русских князей. Однако она начинается не с легендарного правителя Ладоги и Новгорода, а с исторического деятеля второй половины X в. — Владимира Святославича (См. например: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX—XIV вв. (Материалы и исследования). М., 1978. С. 29—30, 37, 42, 43, 52, 58, 59, 67, 68, 73 и др.; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (с древнейших времен до 1000 г.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1993. С. 125—133, 142—146; Она же. Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М., 1994. С. 92/106 и др.).

⁹ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе // ВИД. Т. VII. Л., 1976. С. 43.

¹⁰ Медушевская О. М. Генеалогия в зарубежных исследованиях // Генеалогические исследования: Сборник научных трудов / Отв. ред. В. А. Муравьев. М., 1994. С. 50—58.

отечественной науке в значительной степени к этому пришли вынужденно. Ведь известно, что собственно генеалогических документов на Руси в X — середине XIV вв. практически не создавали, если не считать отдельных записей, созданных в ходе соблюдения поминального культа предков. Тем не менее, такая ситуация позволяет генеалогу легко маневрировать, органично вторгаться в пространство других дисциплин и выходить на решение общеисторических задач. На таком уровне познания прошлого «генеалогия окончательно отрывается от источниковедческих проблем, приобретая право самостоятельного исторического построения»¹¹. Поэтому вполне закономерным событием стало появление в отечественной историографии работ историко-генеалогического характера, без учета которых уже нельзя обрисовать процесс освоения ряда территорий, складывания там боярской вотчины и развития социальных отношений внутри правящей группы лиц. Конечно, вследствие сложившихся традиций, дело обстоит лучше у тех, кто занимается судьбой Киева, Галича или Новгорода в IX—XIV в. Относительно такого региона, как Северо-Восточная Русь, таких подробных и развернутых работ пока нет. В основном они относятся уже применительно к событиям XIV—XVI в. Между тем, как мне представляется, в данном направлении поиск следует продолжить. Оживившиеся в последнее время изучение и публикация русских актов XIV—XVII в. дают довольно большой материал, который несомненно следует привлечь для изучения в комплексе и процесса формирования, и эволюции социальных структур, и собственно генеалогии властной элиты древней Руси.

Так, например, анализ топонимики Тверской и Переяславской земель вкуче с данными родословных легенд XVI—XVII в. позволяет не только установить степень достоверности сообщений последних, но и предположительно пролить свет на биографии основателей ряда известных фамилий, бояр и слуг эпохи Ярослава Всеволодовича (†1246), его сына Александра Храброго (†1263) и внука — Михаила Ярославича Тверского (†1318)¹².

Согласно родословной легенде представителей таких фамилий, как Климентьевы, Адодуровы, Лодыженские, Чепчуговы и др., вместе с их предком Благиной на Русь выехали три брата: Цынило, Твердило и Етверь. У Благины был сын Марк. У Марка — Григорий и т. д.¹³ Обращение к топонимике конца XV — начала XVI в. обнаруживает «деревню Благино» в Городском стане Звенигородского уезда¹⁴. В соседнем с ним Радонеже компактно расположены — «деревня Твердилово, деревня Марково»¹⁵.

В двух духовных грамотах великого князя Василия Дмитриевича (†1425) упоминается село Иворово под Юрьевым Польским¹⁶. Известны также волость Иворовская и село Иворовское¹⁷.

¹¹ Соболева Н. А., Аксёнов А. И. Вспомогательные исторические дисциплины: Современное состояние и структура взаимоотношений // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): Сборник статей / Отв. ред. Н. А. Соболева. М., 1993. С. 231.

¹² См. например: Кузьмин А. В. Эволюция родословной «памяти» боярства Твери (род Борисовых-Бороздиных) // Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: Тезисы докладов и сообщений XIII научной конференции. М., 2001. С. 75–77.

¹³ РГАДА. Ф. 181. № 173/278. Глава 71. Л. 375; Ф. 3 94. Оп. 1. № 334. Л. 410 и др.

¹⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950 (далее — ДДГ). № 95. С. 381–382; Материалы для истории Звенигородского края. Вып. I: Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. М., 1992. С. 54. Л. 88 об.

¹⁵ ДДГ. № 94. С. 3 74, 376–377.

¹⁶ Там же. № 20. С. 56, № 21. С. 60.

Село Иворово находилось всего в 17 верстах к северу от города. Оно «представляло собой поселение на границе ополья с лесом. К северу от Иворова по среднему и нижнему течению р. Селекши и ее притокам начинались глухие лесистые и болотистые места, где поселений уже не было». Во Владимирской губернии другие топонимы с таким названием не встречены (Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X—XIV вв. М., 1984. С. 235–236; См. также: Атлас Российской, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Российскую империю с приграничными землями... СПб., 1745. № 4).

¹⁷ ДДГ. № 102. С. 420; Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века // Русский дипломатарий. Вып. 4. М., 1998. № 4–7. С. 135–138, № 11. С. 141 и др.

В XVI в. последние входили в состав Старицкого удела Тверской земли. Последнее до середины XIII в. было частью Переяславского княжества. Все указанные выше топонимы образованы от скандинавского имени Ивор, которое не было особо популярным во Владимиро-Суздальской земле.

Как известно из летописей, процесс активного окняжения территорий вокруг Твери проходил в конце XII — начале XIII в.¹⁸ Тогда же здесь появились первые боярские села. В 1215—1216 г. Тверь сыграла важную роль во время противостояния переяславского князя Ярослава Всеволодовича с Новгородом. Значение города было настолько важно, что в зиму 1237—1238 г. он направил на оборону города своего сына. Когда один из монгольских отрядов в феврале 1238 г. захватил и разорил Тверь, то, как отмечает летописец, захватчики «в ней же и сына Ярославля убиша»¹⁹. Он был единственным из детей князя Ярослава, кто погиб во время Батыева нашествия.

На княжеской службе в первой трети XIII в. по летописям известен человек, который носил имя Ивор. В 1215 г. Ярослав, поссорившись с новгородцами, «пойде в Торъжекъ, а по княгиню свою посла в Новгород Ивора Чапоноса, и выведе княгиню свою к себе»²⁰. После установления ордынского ига ни один из известных по источникам бояр Переяславского и Тверского княжеств не носил такого редкого имени. Конечно, приведенных фактов пока недостаточно, чтобы утверждать, что данные топонимы связаны именно с Ивором Чапоносом. Однако их бытование в княжестве, где он служил, а также то, что у Твери целая волость называлась «Иворовской», заставляет нас ставить вопрос о дальнейшем его изучении.

Во втором случае по описанию сел и деревень Успенского монастыря все в том же Старицком уезде среди прочих в 1607 г. числились: «Село Лгово съ деревнями; а въ немъ храмъ Андрей Критский чудотворец; да въ селе жъ дворъ монастырской, пашня монастырская. А къ селу деревень: Петяшино, Ейкова, Тростино, Домонежа, а всего семь деревень»²¹. В переписной книге местного приказчика Я.И. Жихарева упоминаются грамоты из монастырского вотчинного архива. Из текста этого источника можно установить, что еще в первой трети XVI в. село Лгово с деревнями было отдано в пользу Успенской обители князем Андреем Ивановичем Старицким († 1537)²².

В жалованной подтвердительной тарханно-несудимой грамоте царя Ивана Васильевича († 1584) архимандриту Иеву на монастырские вотчины в Старицком, Тверском, Клинском и др. уездах от 6 мая 1569 г. перечисляются все деревни, тянувшие к селу Лгово. Данный список несколько отличается от того, который приводится в описании 1607 г. Так, после Петяшина упоминалось не Ейково, а «деревня Ескина». Вслед за ней шло не Тростино, а «деревня Веревкина, деревня Люшина, деревня Голощапова с Мишиным». Однако далее по списку были упомянуты «деревня Ейцово, деревня Тростино, деревня Домонежа, да пустоши — пустошь Нелидина, пустошь Жеребцова...» и т. д.²³ Таким образом, четко устанавливается, что следует различать у села Лгово две деревни — Ескина и Ейкова (или Ейцово).

Выделенный нами топоним Ейково в других местах Тверского княжества, да и в целом по всей Владимиро-Суздальской земле, больше пока не встречен. Его соседство с «Иворовской волостью» заставляет предположительно искать человека с именем Ейко среди бояр князя Ярослава

¹⁸ Борзаковский В. С. История Тверского княжества. Тверь, 1994. С. 20—27; Клюг Э. Княжество Тверское (1247—1485 гг.) / Пер. с нем. А. В. Чернышова. Тверь, 1994. С. 45—51; Жилина Н. В. Ранняя Тверь по письменным и археологическим данным (по материалам из раскопок в Тверском кремле) // Российская археология. 2001. № 3. С. 35—45 и др.

¹⁹ ПСРЛ. Т. XXVIII. Московский летописный свод 1497 г. М.; Л., 1963. С. 53.

²⁰ Там же. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 111. Л. 136; См. также: Т. III. М., 2000. С. 253. Л. 135 об. (Комиссионный список НПЛ), Т. XV. Вып. 1. М., 2000. Стб. 316 (Тверская летопись) и др. В синодальном списке НПЛ ошибочно вставлен разделительный союз «и», в результате чего получилось два имени: «...а въ Новгородъ приславъ Ивора и Чапоноса» (Там же. Т. III. С. 54. Л. 81 об. —82).

²¹ Описные книги Старицкого Успенского монастыря 7115—1607 года. Старица, 1912. С. 64.

²² Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века. № 13. С. 148.

²³ Там же. № 12. С. 142.

Всеволодовича. Источникам Северо-Восточной Руси он не известен. Между тем, Волынская (Ипатьевская) летопись имеет важное известие, что в 1246 г. «обдержажоу Кыевъ Ярославо бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ»²⁴. Поскольку хан Батый назначил в 1243 г. великого князя владимирского Ярослава Всеволодовича «старей всемъ княземъ в Русскомъ языке»²⁵, то появление Дмитра Ейковича в Киеве следует относить к упомянутому выше году²⁶. Если тождество владельца Ейково и отца киевского воеводы верно, то перед нами, как и в случае с Ивором Чапоносом, по-видимому, оказывается еще один землевладелец из Твери. И такие примеры не единичны.

Подобная возможность не должна удивлять. Как известно, основная часть дружины Ярослава Всеволодовича вместе с князем в 1236 г. уехала в Киев. В боях с войсками Чингизидов, если не считать обороны Переслава Залесского и Твери в феврале 1238 г., она не участвовала. Поскольку значительная часть аристократии большинства княжеств Северо-Восточной Руси погибла в сражениях и при обороне городов зиму в 1237–1238 г., то можно представить, насколько сильно выросло значение, да, наверное, и социальный статус, выживших после Батыева погрома представителей знати. Поэтому только имена бояр и дружинников князя Ярослава (например, Явид, Кербет, Федор Ярунович и др.) в середине XIII в. встречаются на страницах местных летописцев. Упоминание источниками таких видных бояр, как Дмитр Ейкович или внук Лазаря — Гаврило Юрьевич, свидетельствует, что переяславцы сумели упрочить свое служебное положение у потомков великого князя Всеволода Юрьевича Великое Гнездо. Кое-какие семьи даже смогли несколько поднять свой социальный статус.

* * *

Весьма перспективным видится использование данных генеалогии и в изучении истории повседневности. Прежде всего это, конечно, касается исследования проблем формирования идеологии и социальной психологии правящих элит. Об этом уже писалось много. Однако заметим, что, кроме данного круга тем, следует учитывать наблюдения генеалогов в изучении вопросов социальной мобильности населения древней Руси.

Уже сравнительный просмотр известных династических браков представителей ростовского княжеского дома и представителей великокняжеской семьи (потомки Ярослава Переяславского) показывает значительную разницу между ними. Условная западная граница брачных контактов ростовских князей не выходит за пределы восточного Поднепровья. Тем временем их младшие родственники рождаются с более далекими соседями (например, Александр, Андрей, Ярослав и Василий Ярославичи) — это Полоцк, Галич, Новгород, Литва. Незначительное удаление контактов на восток у князей Ростовской земли в XIII — середине XIV в. происходит только в связи с установлением ордынского ига. Последние, конечно, были более частыми, чем у представителей елей московской династии (2-й брак Юрия Даниловича), и имели ярко выраженный политический подтекст. Между тем, брачные связи великих князей в данный период по-прежнему направлены на запад (Смоленск, Брянск, Вязьма, Вильно), хотя и ограничиваются пределами ВКЛ.

Не менее интересным представляется и анализ родственных связей среди жен ростовских князей. Так, старший из сыновей Константина Всеволодовича (†1218), Василько (†1238) берет в жены дочь черниговского князя Михаила Всеволодовича (†1246). Его брат Всеволод Ярославский (†1238) женится на представительнице средней линии Ольговичей — Марине, дочери Олега Северского. Третий из братьев, Владимир Угличский (†1249), находит невесту в Рязани у князя Ингваря (†1236), который ведет свой род от Ярослава Святославича, младшего брата князя Олега Черниговского (†1113). Отсюда становится понятно, что в домонгольский период принцип старейшинства распространяется не только на князей, но и на их жен.

²⁴ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 806. Л. 270 об., под 6758 г.

²⁵ Там же. Т. I. Вып. 2. М., 1997. Стб. 470. Л. 165.

²⁶ На приезд наместника великого князя Ярослава Дмитрия Ейковича в Киев в 1243 г. прямо указывает Густынская летопись (Подробнее см.: Грушевский М. [С.] Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев,

Таким образом, ясно, что роль генеалогических изысканий в изучении истории древней Руси велика. Генеалогия не должна ограничиваться только узкими и весьма прикладными задачами. Исследователь должен стремиться не только к установлению родственных связей и подробностей биографии отдельных лиц, семей, групп интересов или сословий, но и использовать накопленный материал для решения общеисторических задач.

* * *

При использовании в исследовательской практике историографических источников, как мне представляется, важно учитывать ряд важных моментов.

Во-первых, наконец, стоит активнее преодолевать устоявшуюся в современной литературе тенденцию изучать судьбы земель древней Руси и ее населения преимущественно в доордынский период и с XIV в., т. е. с момента усиления Москвы (или Литвы). Наиболее ярким примером тому служат работы многих советских историков, где история княжеств и местных элит в основном рассмотрена либо в эпоху Киевской Руси и последовавшей за ней раздробленностью, либо в плоскости их вхождения в состав Русского государства. К сожалению, ранее дореволюционные исследования по отдельным древнерусским княжествам и землям (прежде всего, украинских ученых) весьма часто порицались. Как полагал известный историк-марксист В. Т. Пашуто, «**их совокупность не создает цельного представления о судьбах всей Руси XII–XIII вв.**» (выделено мной — А. К.)²⁷. Поэтому неслучайно, что существовавшей лакуне между Русью домонгольской, или, точнее, доордынской, и Русью Ивана Калиты и его наследников ранее фактически отводилась роль перекидного моста из XIII в. в XIV²⁸. Досталось и вспомогательным дисциплинам. Даже в предисловии ставшего теперь классическим сборника «История и генеалогия» такой авторитетный историк, как Н. И. Павленко, отражая официальную точку зрения, заявлял, что одной из причин прекращения в советское время исследований по генеалогии стало то, что в дореволюционные годы она «**скомпрометировала себя пристрастием к изучению дворянских родословий, интерес к которым утратил значение прежде всего в практическом отношении**»²⁹.

Такой субъективный подход к объекту исследования вряд ли мог дать объективные результаты. Однако не все историки приняли подобные идеологические установки. Так, например, А. А. Зимин в большей степени остался верен русской дореволюционной историографии. Об этом свидетельствуют его работы об элите Северо-Восточной Руси как на примере изучения отдельного региона или коллективного владельца земель³⁰, так и по целому ряду княжеств³¹. В настоящее время данные традиции продолжены и некоторыми другими исследователями³². Однако образовавшийся за многие десятилетия вакуум они, конечно, полностью заполнить не могут.

1891. С. 427; Борзаковский В. С. О времени поездки Даниила Романовича в Орду. Чей был боярин Дмитро Ейкович — Ярослава Всеволодовича или Ярослава Ярославича? // Борзаковский В. С. История Тверского княжества. С. 242–245).

²⁷ Пашуто В. Т. Возрождение Великороссии и судьбы восточных славян // Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 10–11.

²⁸ Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Новое в исследовании истории нашей Родины. М., 1978. С. 24–37.

²⁹ Павленко Н. И. Предисловие // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1977. С. 3.

³⁰ Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958; Он же. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977 и др.

³¹ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988.

³² Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962; Он же. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981; Он же. Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий. М., 1991; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; Она же. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986; Чернов С. З. Волок Ламский в XIV — первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации (Акты Московской Руси: Микрорегиональные исследования. Т. 1). М., 1998; Назаров В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // Русский дипломатий. Вып. 5. М., 1999. С. 175–196 и др.

Во-вторых, следует крайне осторожно, тщательно проверяя, использовать сведения из не дошедших до сего времени источников, находившихся в работах исследователей XVIII – начала XX в. монографического и справочного характера. Обращение к последним должно строиться с учетом всей известной на настоящий момент источниковой базы. Это позволит не повторять тех многочисленных ошибок, которыми пестрит часть как дореволюционных, так и современных справочников и энциклопедий. Ведь в них часто отсутствуют ссылки на источники информации, используются подложные и недостоверные документы и родословия, получавшиеся, как правило, из-за путаницы при их переписке, ошибок писцов, ряда сокращений, сознательной фальсификации³³. Это заметно снижает научный уровень подобных книг, росписей и справочников, а иногда и требует полного отказа от их использования в исследовательской практике. Об этом неоднократно писали Н. П. Лихачев, А. А. Введенский, С. Б. Веселовский, А. А. Зимин, М. Е. Бычкова, В. Б. Кобрин и др. Однако до сих пор уже в ряде новейших монографий и изданий справочного и энциклопедического характера по-прежнему очевидна тенденция в повторении методологических и фактических ошибок работ дореволюционных авторов³⁴. Кроме того, стоит заметить, что появились работы, где родословные легенды, представляющие памятники не только записанной устной информации, но и небольшие литературные произведения, используются как комментарий для националистических взглядов исследователей³⁵. Относиться к этому необходимо достаточно серьезно. Ведь историку, не являющемуся узким специалистом в генеалогии, подчас бывает весьма сложно разобраться в том потоке литературы, который в последнее время основательно занимает позиции в библиотеках и книжных прилавках магазинов.

Итак, не подлежит сомнению необходимость рассмотренных выше исследовательских процедур. Тесная взаимосвязь генеалогии с текстологией и источниковедением, междисциплинарный синтез, сближение ее задач с целями повседневной истории должны на практике помогать решению актуальных проблем в изучении политической элиты древней Руси, а также защищать исследователя от влияния спекулятивного подхода в познании прошлого нашей Родины.

³³ Аксенов А. И. Очерк истории генеалогии в России // История и генеалогия. С. 57–79; Бычкова М. Е. Некоторые задачи генеалогического исследования // ВИД. Т. XIV. Л., 1983. С. 5–6; Петрова О. В. О развитии генеалогической методики // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сборник статей / Отв. ред. В. А. Кучкин. М., 1988. С. 201–210; Кобрин В. Б. Перспективы развития генеалогических исследований // Генеалогические исследования. С. 27 и др.

³⁴ См., например: Коган В. М. История дома Рюриковичей. СПб., 1993; Богуславский В. В. Держава Рюриковичей. Т. I. Тула, 1994 и др.

³⁵ См., например: Халиков А. Х. 500 русских фамилий болгаро-татарского происхождения / Болгар-татар чыгышлы 500 рус фамилиясе. Казань, 1992; Он же. Монголы, Татары, Золотая Орда и Булгария. Казань, 1994 и др.

